

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-13>

УДК 82

КОНЦЕПТ «НАКАЗАНИЕ» В КАРТИНЕ МИРА ПРАВОСЛАВНОГО ВЕРУЮЩЕГО: ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Е.Л. Райхлина (Тула, Россия)

Е.В. Лобанова (Тула, Россия)

Аннотация

В статье затрагивается проблема «Достоевский и Церковь». Рассмотрены взгляды некоторых исследователей на указанную проблему, обозначена позиция самого Ф.М. Достоевского (его отношение к вере). Авторы статьи попытались раскрыть для современного читателя некоторые аспекты мировоззрения Ф.М. Достоевского как православного верующего, в частности концепт «наказание» в картине мира писателя. Материалом для исследования послужили евангельские тексты и роман «Преступление и наказание». Описаны особенности отражения понятия «наказание» в картине мира верующего человека, определены способы репрезентации концепта «наказание» в романе.

Результатом исследования стало построение поля концепта «наказание», отраженного в названии романа и его тексте, и описание полевой структуры, компонентами которой являются различные значения понятия «наказание». В заключение определены роль концепта «наказание» в картине мира православного верующего и ведущее значение этого понятия.

Ключевые слова: *Достоевский, взыскание, грех, заповеди, кара, наказание, наказ, православие, страсти.*

Постановка проблемы. В творчестве Ф.М. Достоевского отражены все этические вызовы, появившиеся с середины XIX в. до наших дней, и в первую очередь это относится к вопросам православной веры.

Уже в XIX в. сложилось мнение, разводящее писателя и Русскую православную церковь. О проблеме «Достоевский и Церковь» говорили многие исследователи. Так, литератор Е.Н. Опочинин в своих записках привел высказывание священника отца Алексея: «Вредный это писатель! <...> И хуже всего то, что читатель при всем этом видит, что автор якобы верующий, даже христианин. В действительности же он вовсе не христианин, и все его углубления (sic!) суть одна лишь маска, скрывающая скептицизм и неверие» [Цит. по: Кунильский, 2006]. В.В. Розанов полагал, что Ф.М. Достоевский наделил старца Зосиму «душевым строем», противоположным реальному христианству: «У него только фразеология, только «причитания» христианские» [Розанов, 1990]. Н.А. Бердяев, называя Ф.М. Достоевского «глубоко христианским писателем», в то же время подчеркивал его обособленность от «исторического православия» [Бердяев, 1993].

Сам Ф.М. Достоевский о своей вере говорил так: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский]. Возможно ли отделить Христа от Церкви? Нет, невозможно. Между тем, как отмечено выше, были попытки отделить от нее писателя, признающего истинность учения Христа. Мы не ставим перед собой цель оспорить мнение исследователей, не признающих «реальность» христианства Ф.М. Достоевского или сомневающих в нем. Наша цель – попытаться раскрыть для современного читателя некоторые аспекты мировоззрения Ф.М. Достоевского как православного верующего, в частности концепт «наказание» в картине мира писателя.

Человек – венец мироздания, он создан совершенным, «по образу и подобию Божию». «Выражение: по образу – указывает на способность ума и свободы; тогда как выражение: по подобию – означает уподобление Богу в добродетели, насколько оно возможно для человека». В этом раскрывается свобода воли человека, свобода в использовании сил и средств, данных ему Богом. Свободный выбор не всегда идет на пользу, так как есть соблазн использовать средства, несущие вред как самому человеку, так и его окружающим. Так появляется понятие греха – «промаха» в действиях, уводящего человека с пути «уподобления в добродетели», и наказания как расплаты за грех.

Обратимся к роману «Преступление и наказание». С целью анализа концепта «наказание» мы использовали следующие приемы и методы: определены и рассмотрены значения понятия «наказание»; посредством анализа романа с привлечением евангельских текстов выявлены особенности отражения понятия «наказание» в картине мира православного верующего; определены способы репрезентации концепта «наказание» в романе; построено и описано поле концепта, раскрывающегося в названии романа и его тексте.

Мы полагаем, что православное воззрение Ф.М. Достоевского на концепт «наказание» заключено уже в названии романа, в самом произведении оно раскрывается в полной мере.

Слово «наказание», согласно толковому словарю В.И. Даля, имеет значение: «давать наказ, приказ; приказывать строго, повелевать, предписывать, велеть»¹. Наказ от Бога – это 10 заповедей, данных людям через Моисея, и Заповеди блаженства (Лк. 6, 20:38), сказанные (данные) Христом. Преступление есть грех, ни то ни другое не может остаться безнаказанным, таким образом, мы подходим ко второму значению слова «наказание» – взыскание или расплата². За преступления наказывают люди (закон), за грехи (нарушение заповедей) карает Бог. Преступнику (грешнику) дана возможность искупления и начала новой жизни (спасение и обретение Царствия Небесного).

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=17213> (дата обращения: 01.07.2019).

² Ушаков Н.Д. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=32426> (дата обращения: 01.07.2019).

Цель: рассмотрим, каким образом концепт «наказание» как «наказ», «взыскание по закону» и «кара Божья» раскрывается в романе «Преступление и наказание». Прежде всего определимся с преступлениями, за которые герои романа получают наказание. Заповеди, данные Моисею, сопряжены с 8 страстями: сладострастием (чревоугодием), любодееянием, сребролюбием / славолубием, гневом, печалью, унынием, тщеславием и гордыней [Брянчанинов Игнатий]. Потакание страстям, то есть выстраивание своей жизни и поведения на их основе, является греховным с точки зрения православия, а с светской точки зрения это преступление против самого себя или общества, так как каждая из страстей как минимум разрушает тело человека, как максимум приводит его к нарушению закона.

Результаты анализа. Описать концепт можно с помощью полевой структуры. Центром поля концепта «наказание» является ядро – «наказ», то есть 10 заповедей, данных людям через Моисея, и Заповеди блаженства. Ядро окружено несколькими «оболочками», к которым мы относим виды наказаний (от центра к периферии): самоистязание; моральное наказание, или вразумление; месть или возмездие; правовое наказание («взыскание по закону» или «кара Божья»).

Первая «оболочка» ядра – самоистязание – представлено в романе в двух вариантах:

1) самоуничтожение с целью получить прощение за свои проступки, средством является давление на людей и (!) Бога через страстные монологи, слезы и мольбу о помощи и прощении;

2) душевные терзания – внутренняя борьба двух сторон личности: светлой (человек создан «по образу и подобию Бога») и темной (первородная греховность).

Самоуничтожению предаются супруги Мармеладовы. Семен Захарович раскрывается перед Раскольниковым, делится с ним своими переживаниями, рассказывая о бедственном положении семьи, о вынужденной жертве Сонечки. Но что привело его к такой жизни? Роковое стечение обстоятельств? Отчасти да, но первопричина всех несчастий – грех чревоугодия. Мармеладов – горький пьяница, это его пристрастие и даже смысл жизнь: «Для того я пью, что в питии сем сострадания и чувства ищу...» [Достоевский, 1959, с. 16]. Именно из-за своего пристрастия к алкоголю Мармеладов не прилагает никаких усилий для исправления жизненной ситуации, хотя ему предоставлена такая возможность: «на службу опять зачислен и жалование получаю» [Там же, с. 20]. Напротив, он разжигает страсть (грех) чревоугодия (потакает ей) и впадает в грех гордыни, выраженный в ложной философии и откровенной ереси [Брянчанинов Игнатий]. Он буквально уравнивает свои страдания («Пью, ибо сугубо страдать хочу!» [Достоевский, 1959, с. 16]) со страданиями Христа, через распятие искупившего человеческие грехи: «Меня распять надо, распять на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду к тебе на пропятие, ибо не веселия жажду, а скорби и слез!» [Там же, с. 23].

Катерина Ивановна подвержена другой страсти – славолюбию. Цель ее жизни – быть в центре внимания и упиваться обожанием толпы. Она избивает мужа на глазах у соседей, чтобы показать свои мучения, устраивает никому не нужные пышные поминки, чтобы люди увидели – она чтит мужа и, как женщина из порядочной семьи «почти полковничья дочь», достойно провожает его в последний путь. Апогеем ее тщеславия становится защита Сонечки, оклеветанной Лужиным: вместо того чтобы идти к падчерице, поддержать ее, Катерина Ивановна бежит «к его превосходительству», чтобы он заступился за нее саму, оскорбленную квартирной хозяйкой и соседями, а не получив утешения тщеславию и там, бежит на улицу, вовлекая перепуганных детей в безобразное уличное «представление».

Душевным терзаниям подвержены Раскольников и Свидригайлов. Их судьбы переплетены не только через Дунечку, в беседах они взаимораскрывают друг друга. Оба подвержены страстям сладострастия: Свидригайлов «угождает телу» посредством разврата, Раскольников развращен «недоконченными идеями». Оба впадают в грех гордыни: Свидригайлов по своему усмотрению распоряжается жизнью крепостных, которые, не вынеся мук физического и морального надругательства, совершают суицид, пытается сломить Дунечку, попавшую к нему в подчинение; Раскольников создал теорию «об обыкновенных и необыкновенных людях».

Таким образом, нарушение «наказа» приводит человека к первому виду наказания – самоистязанию, то есть причинению вреда самому себе. Когда грешная жизнь человека начинает приносить вред окружающим, происходит переход во вторую «оболочку» концепта «наказание» – грешник / преступник несет наказание «от людей», которое, по нашему мнению, тесно переплетено с «вразумлением», исходящим от Бога. В романе эти виды наказания проявляются в трех вариантах:

1) унижения, насмешки и справедливые упреки: «А для ча не работаешь, для ча не служите, коли чиновник?» [Там же, с. 14], «Настасья так и покатила со смеху. < ... > „Денег-то много, что ль, надумал?”» [Там же, с. 13], «Протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками и трубками, в ермолках. < ... > Особенно потешно смеялись они, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслаждение» [Там же, с. 27];

2) появляются люди, которые раскрывают преступившему закон глаза на его ошибки и заблуждения: «<...> только молча на меня посмотрела... Так не на земле, а там... о людях тоскуют, плачут, а не укоряют, не укоряют!» [Там же, с. 23], «Это человек-то вошь!», «От бога вы отошли, и вас бог поразил, дьяволу предал!» [Там же, с. 411, 413], «Сударыня, сударыня, успокойтесь < ... > пойдемте, я вас доведу... Здесь в толпе неприлично... вы нездоровы...» [Там же, с. 426] (уличное «представление» Катерины Ивановны после поминок);

3) «глас Божий» (наше определение), обращенный к Свидригайлову и Раскольникову, – события и разговоры, способствующие прозрению, то есть осозна-

нию совершения греха, который необходимо искупить, иначе невозможно обрести душевный покой и спастись (в понимании православия).

Свидригайлов встретился с Дуней, рассчитывая, что, желая спасти брата, девушка согласится уступить его требованиям о близости. В его понимании Дуня «только того и жаждет и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит» [Там же, с. 468]. Однако его расчет не оправдался: Дуня готова пожертвовать собой ради брата, но слишком горда, чтобы покорно принять унижение. Девушка оказала сопротивление: «Огонь, сверкнувший из глаз ее <...> точно обжог его, и сердце его с болью сжалось», когда Дуня бросила револьвер, «что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость смертного страха <...> Это было избавление от другого, более скорбного и мрачного чувства, которого бы он и сам не мог во всей силе определить» [Там же, с. 490, 491]. Мы полагаем, что с этого момента у Свидригайлова началось прозрение.

После встречи с Дуней он отправился к Сонечке. Он понял, что Соня пойдет за Раскольниковым в Сибирь и оставил ей 3000 рублей. Помощь выглядит как церковная десятина – жертвование во искупление греха. Самого Свидригайлова Марфа Петровна «купила» за 30 000 рублей, то есть он продал себя как Иуда за 30 сребряников, продал свою душу разврату.

Последнюю ночь Свидригайлов провел в захудалой гостинице, в душном и тесном номере в углу под лестницей. Это символично. Раскольников и Свидригайлов, мономаны своих идей, оказались между небом и землей: первый жил в каморке под самой крышей, «как паук, к себе в угол забился», второй сводил счеты с жизнью в темноте под лестницей.

Проливной дождь, пронизывающий до костей ветер, мрак этой ночи словно отражают борьбу, развернувшуюся в душе Свидригайлова. Он как будто слышит «глас Бога». Сначала подслушивает разговор обитателей соседнего номера: «один <...> укорял другого в том, что тот нищий и что даже чина на себе не имеет, что он вытащил его из грязи и что когда хочет, тогда и может выгнать его, и что все это видит один только перст всевышнего» [Там же, с. 498]. С нашей точки зрения, это следует понимать так: Бог вытащил человека из мрака невежества, отправил его из Рая на землю для постижения добра и зла. Человек, наделенный разумом, должен учиться, развивать и преобразовать свою душу, чтобы со временем вернуться к Творцу достойным детищем. Бог в любой момент может призвать человека к ответу и воздать по делам его.

К «гласу Бога» можно отнести и сны. Свидригайлову приснился троицын день, большая высокая зала, усыпанная цветами. Посреди залы – белый гроб. Он знает покойницу – это юная самоубийца-утопленица. «Улыбка на бледных губах ее была полна какой-то недетской, беспредельной скорби и великой жалобы». Он погубил ее, надругавшись над женским началом, залил «незаслуженным стыдом ее ангельскую душу» [Там же, с. 50].

Второй сон больше похож на полуявь. Свидригайлову кажется, что в коридоре, за шкафом, прячется промокшая и замерзшая маленькая девочка. Он приводит ее в свою комнату, укладывает спать, но вдруг замечает, что девочка притворяется спящей. Она улыбается, у нее «нахальное лицо продажной камелии из француженок», глаза «обводят его огненным и бесстыдным взглядом» [Там же, с. 501]. Аркадий Иванович ужасается тому, что видит в пятилетней малышке развратницу. Сейчас Свидригайлов прозрел окончательно: он – физическое воплощение зла и не имеет права продолжать жить. Он сам себе вынес приговор и сам привел его в исполнение.

Для Раскольникова «гласом Бога» становятся встречи с Порфирием Петровичем, который отчасти напоминает булгаковского Воланда. Он не щепетилен к своему внешнему виду и не так уж щегольски-элегантно одет. Лицо довольно бодрое, насмешливое и даже добродушное, но больного темно-желтого цвета, а выражение глаз «каким-то жидким водянистым блеском» и вовсе не гармонирует с фигурой. Про себя он говорит так: «Я <...> человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный» [Там же, с. 454]. Именно так должен выглядеть и говорить тот, через кого Бог обращается к человеку.

Порфирий Петрович хороший следователь: умеет анализировать информацию, продумывает каждый ход, создает логические цепочки и формирует доказательную базу из самых незначительных мелочей. Но доказать вину только логикой нельзя, нужно признание преступника. В беседах с Раскольниковым Порфирий Петрович прибегает к лести, переходит то на уважительный тон, то на формально-деловой. Изворотливость в логических заключениях, фамильярность, фальшивые улыбки, циничные и саркастические шутки следователя загоняют Раскольникова в безвыходную ловушку.

Следователь встречается с Раскольниковым только три раза, но для Родиона эти встречи страшнее адского пекла. В Порфирии таится что-то опасное, угрожающее, каждый новый шаг, новая мысль или слово непредсказуемы. Он не чурается и жестких психологических уловок: то задает провокационный вопрос, не считал ли Раскольников, когда писал статью, себя одним из «необыкновенных», то преподносит «сюрпризик» – свидетеля мещанина, то внезапно появляется в доме Раскольникова. Приемы Порфирия Петровича доводят Раскольникова до иступления, он теряет власть над своими мыслями и действиями.

Порфирий Петрович – прокурор и адвокат в одном лице. Его ирония и едкая мысль лишают теорию Раскольникова всякой ценности. Однако он подбирает самые подходящие слова, чтобы мягко, но явно обозначить аморальность теории, замечая, что «кровь по совести» намного страшнее «официального разрешения кровь проливать». Он со «страшною фамильярностию» произносит: «Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» [Там же, с. 261]. И в то же время замечает, что иначе как в помутнении рассудка такая теория по-

явиться не может, что и преступление совершено в болезненном состоянии: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза, что кровь „освежает“; когда вся жизнь проповедуется в комфорте» [Там же, с. 449].

Он замечает и раздвоение Раскольникова, борьбу «натуры» и «сильной личности»: «убил, да и денег взять не сумел, а что успел захватить, то под камень снес»; «убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, бледным ангелом ходит» [Там же, с. 449–450].

Цель Порфирия Петровича не только и не столько в том, чтобы донести до преступника мысль о неизбежности суда и наказания, у него достаточно улик, чтобы арестовать Раскольникова. Ему важно подвести Раскольникова к осознанию совершенного зла, бесчеловечности теории: «Что я вас *на покой* туда посажу?» [Там же, с. 451].

Преступник должен раскаяться и с честью принять заслуженное наказание, а первый шаг к этому – добровольное признание вины. Порфирий Петрович видит в Раскольникове не только «сильного бойца», но и человека действительно способного сказать новое хорошее слово. Мучения Раскольникова – его путь к Богу: «Ищите и обрящете. Вас, может, бог на этом и ждал» [Там же, с. 449].

На последней встрече Порфирий Петрович показывает Раскольникову возможный для него исход (выход из создавшейся ситуации): «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдет» [Там же, с. 453]. Следует отметить, что Порфирий Петрович как будто разделяет Бога и веру. Выходит, что главное для человека вера в то, что он сам вершителем творец своей судьбы, что он сам в ответе за свои деяния. Человек может верить в некую высшую справедливую сущность или верить в Бога без обращения к «проводнику» – Церкви, он может быть атеистом, но верить в целесообразность и справедливость 10 заповедей, данных людям через Моисея. Тогда человек, живущий своей идеей, сможет принести благо, а не разрушения.

В Раскольникове Порфирий Петрович видит «сильную личность», действительно способную сказать новое слово. Такому человеку необязательно быть Наполеоном: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [Там же, с. 454]. Это намек на предназначение человека из «образованного общества»: если Бог создал человека «необычным», то есть способным мыслить шире, вникать в суть природы вещей и событий глубже, чем это дано «обычному», то есть «маленькому человеку», то надо с достоинством выполнить свое задание, а не возноситься в гордыне. Надо творить благо, а не множить зло, проливая «кровь по совести».

Раскольников потерял веру, но Порфирий Петрович говорит ему: «Знаю, что не веруется, – а вы лукаво не мудрствуйте; отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит» [Там же, с. 453].

Если «моральное порицание» и «вразумление» не возымели положительного действия – человек не одумался и не исправил свою жизнь, не перестал грешить, происходит переход на третью «оболочку» ядра концепта «наказание» – месть «от людей» или «возмездие от Бога» (наше определение). Человеческое общество мстит преступившему закон изгнанием из круга порядочных людей. Мармеладов замечает, что: «За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой» [Там же, с. 13]. Раскольников, осознав непоправимость и ужас совершенных убийств, «как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту» [Там же, с. 114].

Изгнание Свидригайлова носит своеобразный характер. Аркадий Иванович застрелился на улице «при официальном свидетеле», которого можно назвать лицом порядочного общества, так как он как бы призван блюсти порядок – стоит возле «большого дома с каланчой». Увидев, что Свидригайлов приставил револьвер к виску, «Ахиллес» закричал: «А-зе здесь нельзя, здесь не места!» [Там же, с. 505]. На наш взгляд, общество таким образом хочет отторгнуть от себя преступившего нравственный закон. Ведь «разрешение» публичного суицида – своего рода казни человека, погрязшего в разврате, предполагает осознание причины совершенного, кроющейся в греховности – развращенности – самого общества, ярким образчиком которого является Свидригайлов. Изгнав осознавшего свои грехи Свидригайлова, общество как бы обеляет себя, отделяет себя от преступника.

«Возмездие от Бога», на наш взгляд, проявляется в смерти Мармеладовых. Поведение и чаяния Семена Захаровича и Катерины Ивановны говорят о том, что они уповают на слова Христа: «Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь» (Лк. 6, 21). Цель их самоуничтожения заключается в достижении признания мученичества (Катерина Ивановна) и уравнивании себя с Христом, на кресте искупившим грехи человечества (Семен Захарович). Но фактически их самоуничтожение есть ни что иное, как потакание самым тяжким страстям – тщеславию и гордыне. Мармеладовы страдают из-за бедности и приниженности, но оба не признают, что это следствие греховной жизни, наказание за которую неизбежно. Семен Захарович раздавлен лошадьми, у него сломаны ребра и разорваны легкие (судя по описанию травм). У Катерины Ивановны, из-за перенапряжения, пошла кровь горлом. Таким образом, оба истекают кровью, но при этом теряют способность дышать. Другими словами, они как будто задыхаются от тщеславия и захлебываются собственной гордыней.

Последняя, внешняя, «оболочка» ядра концепта «наказание» – правовое наказание как «взыскание по закону» или «кара Божья». Раскольников на первый взгляд несет только первый вариант этого наказания – он приговорен к семи годам каторги. В эпилоге романа говорится о «преображении» Раскольникова, его воскрешении через любовь Сонечки. Однако мы полагаем, что сам Ф.М. Достоевский предостерегает от поспешности такого вывода: «Он даже не знал того, что новая жизнь не даром же ему достанется, что ее надо дорого купить, запла-

тить за нее великим, будущим подвигом» [Там же, с. 542]. Подвиг заключается в искуплении грехов, но не формальном, а истинном: Родион должен признать свои преступления, осознать греховность своих действий, мыслей и идей и полностью переделать себя, буквально заново сотворить свою личность, потому Раскольникову и дано семь лет, как семь дней Творения.

«Кара Божья» настигнет того, кто отказывается признавать греховность своих дел и помыслов, того, кто пытается откупиться от грехов своеобразной индульгенцией – оправданием убийства благими побуждениями (спасение «униженных и оскорбленных» при помощи полученных денег), фиктивным страданием (в том числе самоуничижением). В Ветхом Завете приведены примеры такой кары: казни Египетские, падение Содома и Гоморры, но в Новом Завете такого рода наказаний нет. Напротив, каждый грешник имеет «право на помилование», для каждого открыта дорога в Царствие небесное: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лк. 11, 9). Между тем Христос не примет тех, кто истинно не искупил грехов: «Тогда станете говорить: Господи! Господи! отвори нам; но он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды» (Лк. 6, 25:27). В этом, на наш взгляд, и заключается новозаветная «кара Божья», которая постигнет Мармеладových, так как они не раскаялись в своих грехах, и Раскольникова, если он не использует семь лет наказания для перестройки своей личности, для приведения ее в состояние человека, сотворенного «по образу и подобию» Бога.

Выводы. Таким образом, в романе «Преступление и наказание» концепт «наказание» отражен эксплицитно и имплицитно. Человек, нарушивший закон и нормы морали, несет наказание – изгоняется из общества или отправляется на каторгу – это явное отражение концепта. Человек, поддавшись своим страстям, впадает в грешную жизнь и несет наказание как от людей (моральное порицание, месть, «взыскание по закону»), так и от Бога (вразумление, возмездие, «кара Божья») – это имплицитное отражение концепта, раскрывающееся при рефлексивном чтении, основанном на сопоставлении текстов романа и Евангелия. Мы можем сказать, что в картине мира православного верующего концепт «наказание» играет важную роль, ведущим значением при этом является «наказ», а не «взыскание» или «кара Божья».

Библиографический список

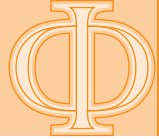
1. Бердяев Н.А. О русских классиках. Миросозерцание Достоевского. М., 1993. 367 с.
2. Брянчанинов Игнатий. В помощь кающимся (святитель Игнатий (Брянчанинов)) [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/v-pomoshh-kajushhimsja/#0_1 (дата обращения: 01.07.2019).
3. Достоевский Ф.М. Письмо Н.Д. Фонвизиной из Омска (конец января – 20 число февраля 1854 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/383.htm> (дата обращения: 01.07.2019).

4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. 543 с.
5. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. О человеке [Электронный ресурс]. URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_12.html (дата обращения: 01.07.2019).
6. Кунильский А.Е. «Лик земной и вечная истина». О восприятии мира и изображении героев в произведениях Ф.М. Достоевского: монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006 г. 304 с.
7. Розанов В.В. Религия и культура. Темный лик. М.: Правда, 1990. 636 с.

Сведения об авторах

Райхлина Евгения Львовна – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: erajkhlina@yandex.ru

Лобанова Елена Валерьевна – магистрант 2 курса факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого; e-mail: alena-lev77@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-13>

THE CONCEPT OF “PUNISHMENT” IN THE WORLD VIEW OF AN ORTHODOX BELIEVER: THE EXPERIENCE OF READING THE NOVEL F.M. DOSTOEVSKY “CRIME AND PUNISHMENT”

E.L. Raykhlina (Tula, Russia)

E.V. Lobanova (Tula, Russia)

Abstract

The article touches upon the problem of Dostoevsky and the Church. Views of some researchers on the specified problem are considered, the position of F. M. Dostoevsky (his relation to belief) is designated. The authors of the article tried to reveal to the modern reader some aspects of the worldview of F. M. Dostoevsky as an Orthodox believer, in particular – the concept of «punishment» in the picture of the world of the writer. The material for the study was the gospel texts and the novel «Crime and punishment». The article describes the features of the reflection of the concept of «punishment» in the picture of the world of the believer, the ways of representation of the concept of «punishment» in the novel. The result of the study was the construction of the field of the concept of «punishment», reflected in the title of the novel and its text, and the description of the structure of this field, the components of which are the different meanings of the concept of «punishment». In conclusion, the role of the concept of «punishment» in the picture of the world of the Orthodox believer and the leading meaning of this concept are defined.

Keywords: *dostoevsky, punishment, sin, commandments, punishment, punishment, Orthodoxy, passion.*

Bibliograficheskiy spisok

1. Berdiaev N.A. O russkikh klassikakh. Mirosozercanie Dostoevskogo [About Russian classics. Dostoevsky's Worldview]. M., 1993. 367 s.
2. Bryanchaninov Ignatij. V pomoshh kaushhimsya greshnikam (svyatitel Ignatij (Bryanchaninov)) [To help penitent sinners (of svyatitel Ignatius (Bryanchaninov))]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ignatij_Brjanchaninov/v-pomoshh-kajushhimsja/#0_1 (data obrashheniya: 01.07.2019).
3. Dostoevskiy F.M. Pismo N.D. Fonvizinoy iz Omska (konec yanvarya – 20 chislo fevralya 1854 g.) [Letter of N.D. Fonvizina (end of January – date of February 20, 1854)]. URL: <https://rvb.ru/dostoevski/01text/vol15/01text/383.htm> (data obrashheniya: 01.07.2019).
4. Dostoevskiy F.M. Prestulenie i nakazanie [Crime and punishment]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudogestvennoy literaturi, 1959. 543 s.
5. Ioann Damaskin. Tochnoe izlogenie pravoslavnoy veri. O cheloveke [John Damascene. The exact statement of the Orthodox faith. About the person]. URL: http://www.orthlib.ru/John_of_Damascus/vera2_12.html. (data obrashheniya: 01.07.2019).
6. Kunil'skiy A.E. «Lik zemnoy i vechnaya istina». O vospriyatii geroev v proizvedeniakh F.M. Dostoevskogo: monografiya [„The Face of the earth and eternal truth”. On the perception of the world and the image of heroes in the works of F.M. Dostoevsky: monograph]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2006. 304 s.
7. Rozanov V.V. Religia i kultura. Temniy lik [Religion and culture. Dark face]. M.: Pravda, 1990. 636 s.

About the authors

Raykhlina Evgenia Lvovna – Doctor of pedagogical sciences, a lecturer, a chief of Russian and literature chair, Tula state pedagogical university named after Leo Tolstoy. Tula state pedagogical university named after Leo Tolstoy; e-mail: erajkhlina@yandex.ru

Lobanova Elena Valeryevna – 2nd year master's student of the faculty of Russian Philology and documentary studies, Tula state pedagogical university named after Leo Tolstoy; e-mail: alena-lev77@yandex.ru